

## ЯЛОВИЦЫНА СВЕТЛАНА

### РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ВОКНАВОЛОКА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Какова была религиозная жизнь Вокнаволока в XIX – начале XX в., во что верили его жители – попытка ответить на эти вопросы составляет содержание данной статьи. Основным источником информации для написания статьи являлись документы духовной консистории по Кемскому уезду, хранящиеся в Национальном Архиве Республики Карелия, а также сведения духовной периодики конца XIX – начала XX вв.

Первый приход в Вокнаволоке был образован в 1767 г. Он находился под юрисдикцией Русской Православной Церкви, поскольку эти территории искони принадлежали российскому государству. Правда, защита государственной границы, расположенной совсем недалеко от Вокнаволока, была весьма условной. На рубеже XVIII-XIX вв. ее охраняла стража из 2-х солдат, квартировавших собственно в Вокнаволоке.<sup>1</sup> Кроме Вокнаволоцкого в XVIII – первой половине XIX в. на западе Беломорской Карелии был еще один православный приход – Панозерский, самый древний на этих территориях (Фатхутдинов 2001: 7). Эти два прихода долгое время включали в себя все окрестные деревни, причем эти окрестности простирались порой на сотни километров.

Точные границы Вокнаволоцкого прихода в XVIII в. нам не известны. Ясно лишь то, что деревни Ладвозеро, Суднозеро, Каменное озеро, Ценанаволок, Перттигуба, Поньгагуба, Мелкая Губа, Войница, Ая-губа, Нишкозеро, Кеносозеро, Нильмагуба, Кентозеро, Костомукша, Контокки, Лапуки, Шариозеро, Водасалма и др. входили в его состав вплоть до конца XIX в. (рисунки 1(4), 2(6), 3(7) – в скобках указаны номера из списка предложенного художественным редактором). Очевидно также, что кроме перечисленных деревень в состав прихода до середины XIX в. входили и другие, весьма далекие для пешего перехода, населенные пункты, такие как Ухта, Юшкозеро, Ювалакша, Регозеро и др.

Из-за громадных расстояний и разбросанности деревень забота священников этих приходов о своей, хотя и немногочисленной пастве, была делом нешуточным. Поэтому и популярностью со стороны священников Вокнаволоцкий приход не особенно пользовался.

Архангельская духовная консистория, а именно к ней относился Вокнаволоцкий приход в рассматриваемый период, указом от 22 февраля 1789 г. за № 356 постановляла:

«а как в Вокнаволоцком приходе из давних лет по сие священника не имеется, то тебе благочинному Клюкину избрать из своего уезда церковника во священника и представить... Ежели сторонних никого не окажется, Вокнаволоцкого пономаря Кирилу Елизаровского выслать непременно в Архангельск к производству, и хотя желать не будет, то всячески принуждать его к этому» (АЕВ. 1911. №8).

Священника для расширившегося прихода не нашли, поэтому пономаря Елизаровского попытались отправить в Архангельск для «производства» в священники.

«И хотя ему неоднократно объявлено было, но он тогда оговаривался так, что де для нынешнего военного времени (война России со Швецией и Турцией) в том приходе кормиться нечем, руги собрать не с кого, что ныне немалое количество годных крестьян взято в стрелки, а другие едва ли не все упражняются в казенных работах и сами претерпевают в пище недостаток».

Позднее консистория вторично просит отправить Елизаровского, но тот сослался на болезнь, и приход еще долгое время оставался без причта.

Слова источника свидетельствуют о целом ряде проблем, с которыми сталкивался приход: отсутствие духовных кадров, низкая оплата услуг священника, пономаря и др. Все это обуславливалось тяжелым экономическим положением прихода. Вместе с тем в XVIII в. – первой половине XIX в. Вокнаволоцк был своего рода православным религиозным центром для западных территорий Беломорской Карелии, хотя возможности православного миссионерства у этого центра были весьма и весьма ограниченными.

Как сообщают *Архангельские епархиальные ведомости* до образования прихода в селе Вокнаволоцком была часовня, которая при открытии прихода была обращена в церковь (АЕВ. 1896. №14. С.160). Не вполне ясен вопрос о том, на какие средства были устроены эти первые церковные здания в Вокнаволоке. Как отмечает М.Пулькин для корельских приходов XVIII в. было не характерно собирать пожертвования прихожан на строительство храма, либо использовать для этого мирские средства (Пулькин 2000: 26-27). Обнаруженные нами источники

подтверждают, что сбор пожертвований на строительство церкви не производился, а построена она была на казенные средства.<sup>2</sup>

Первое церковное здание долгое время было единственным в приходе. В 1804 г. оно было разобрано по указу консистории из-за ветхого состояния. Новый храм построили на новом месте (на берегу), правда не сразу, т.к. еще 1820-е г. в метрических книгах прихода встречается пометка о том, что некоторые обряды проводились в доме священника. Новое здание церкви просуществовало в деревне вплоть до начала XX в., когда его решили перестроить. Сохранилось его подробное описание: здание церкви смотрит на восток, выполнено квадратом, в один этаж, обшито некрашеным тесом, с колокольней над крыльцом. Общая высота с крестом – 7 сажений. Крыша самой церкви на четыре ската, а над папертью и алтарем в два ската. Глава на церкви одна, на алтаре одна и на колокольне одна. На колокольне – 4 колокола, на одном из них находится надпись «Пророку Ілїи», колокола медные, когда вылиты, неизвестно. Кресты восьмиконечные, зеленые на церкви, колокольне и на алтаре. Окна прямые, без ставен с рамами, стеклами и решетками. Двери простые деревянные без украшений на железных петлях, одно и двустворчатые. Паперть устроена с одной западной стороны. С 1884 по 1912 г. церковь несколько раз ремонтировали и поправляли.

Внутри церковь устроена в виде квадрата. Алтарь отделяется от Церкви одним иконостасом. Иконостас деревянный старого устройства в 3 яруса. Приделов нет. Иконы в Церкви обновлены усердием Соловецкого Первоклассного Ставропигиального Монастыря в 1883 году. Притвор отделяется от храма глухой стеною. Алтарь одночастный с 3-мя окнами. Помост в алтаре возвышен на одну ступень. Престол деревянный - не возвышен ступенями. Одежда на престоле из парчи. Горнего места нет. Жертвенник устроен в Северо-Восточном углу – деревянный. Царские двери состоят из двух створов гладкие - деревянные с изображением Благовещения Пресвятой Богородицы и 4-х Евангелистов. Форма верхушек Царских дверей полукруглая. Солея деревянная - выше помоста храма на 1 четверть аршина, решетки не имеется. Нет амвона. Клирос устроен просто без всяких украшений.<sup>3</sup> Данное описание было использовано при строительстве нынешней православной церкви в Вокнаколоке (рисунки 4(3), 5(5) – в скобках указаны номера из списка редактора)

Наряду с православием в Вокнаволоцком приходе долгое время сохранялись устойчивые языческие верования, которые соседствовали с православием и составляли неотъемлемую часть религиозной жизни карел. К примеру, «жители д. Суднозеро ежегодно в день Успения Божьей Матери закалывают животного – одного или более, и кровь выливают в нарочито устроенное отверстие на крыльце Суднозерской часовни» (АЕВ. 1895. №4. С.123). В Войнице мужчины при отходе на военную службу, а девицы перед вступлением в брак приносили в жертву пучок своих волос и немного овечьей шерсти, совершая «обряд» в часовне в честь Ильи.

Под влиянием находящегося поблизости Топозерского скита среди карел в XVII-XVIII вв. распространилось и старообрядчество, сохранявшее свои позиции вплоть до начала XX в.

«Раскольников только крестят у священника младенцев, да просят его исключать в церковных книгах тех, кого сами отпоют и похоронят. Для отпева своих умерших раскольствующие обыкновенно обращаются в Бабью Губу, где проживает тайный раскольниковый паппи, которому за отпев платят деньгами или коровой». (АЕВ, 1896, №14)

К сожалению, имеющиеся источники не позволяют установить, какова была реальная численность раскольников в Вокнаволоке, т.к. священники не представляли в духовную консисторию точных сведений о них, а только упоминали некоторые случаи. Несколько примеров. В 1846 г. священник Вокнаволоцкого прихода Андрей Усердов обращается в духовное правление с вопросом как вести дело с крещеными детьми раскольников (напр., дети Михайло Немчинова). В метрических книгах (в части об умерших) Вокнаволоцкого прихода вплоть до 1870-х гг. довольно частым явлением была пометка священников, что умерший не исповедан и «похоронен раскольниками» или «по расколу».<sup>4</sup> Интересен также факт, что часть раскольников все же приходили к исповеди в церковь, при этом часто священники «записывали» их в православие. Такой случай, к примеру, произошел в 1848 г. с Фомой Степановым, который в разговоре со священником А.Усердовым показал, что он раскольник с малолетства, а священник Ухтинского прихода Камкин допустил его к святому причастию.<sup>5</sup> Частота упоминаний подобных случаев в метрических книгах XIX века дают основания предполагать, что староверы не были редким исключением в Вокнаволоке.

Среди консисториальных документов есть также упоминания, свидетельствующие и о работе по вразумлению раскольников в Вокнаволоке. Например, в 1856 г. такая работа была проведена в отношении Савелия Келева, «жившего по расколу без брака с девкою Леттиевой» и др.<sup>6</sup> Подобное вразумление как правило заканчивалось «принятием» православия, однако как писал в этой связи священник Тунгудского прихода П.Ивановский: «...вижу из сего действия только один вид повиновения церкви и средство избежать преследования гражданской власти и наказания за обман пред браком»<sup>7</sup>.

Для понимания роли старообрядчества в религиозной жизни Вокнаволока интересен один фрагмент из *Архангельских Епархиальных Ведомостей*:

«Все карелы осеняют себя крестным знаменем двуперстно. Местное предание утверждает, что несмотря на близость (65 верст) знаменитого в свое время Топозерского раскольничьего скита, православие сохранилось преимущественно в тех приходах (Панозерский, Вокнаволоцкий) в коих служили в XVIII в. и начале XIX в. священники Михаил, Стефан и сын последнего Стефан Камкины; эти священники сами крестились двуперстно и службы церковные и требы выполняли по старым дониконовским книгам. В приходах же, где священники служили по новым книгам (Кестеньгско-Топозерский и Шуезерский), образовался раскол, существующий и по сие время в сильной степени» (АЕВ. 1908. №7).

Приведенный отрывок, на наш взгляд, приоткрывает нам некоторые особенности народной психологии карел. Служившие в Вокнаволоке в XVIII-XIX вв. священники, будучи приверженцами старой, дониконовской традиции, не заостряли внимание населения на произошедшей церковной реформе, благо для этого были все условия (изолированность прихода, незнание русского языка и т.п.). В результате, переход от старообрядчества, принимая во внимания неконфликтный характер карел, произошел мягко, по мере ухода из жизни старого поколения. Новая традиция, видимо, укрепилась только в середине XIX в., когда в отношении раскольников были введены более жесткие меры (стали разрушаться скиты, вводиться запреты на поселения в скитах новых лиц и пр.). Но на территории Вокнаволоцкого прихода о применении таких жестких мер против раскольников нам ничего не известно, однако «слух» о такой политике наверно дошел до жителей Вокнаволока и заставил многих староверов либо отказаться от своих убеждений, либо верить тайно.

Соседствуя с Великим княжеством Финляндским Вокнаволоцкий приход, несомненно, испытывал на себе и влияние господствовавшего там лютеранства. В жизни вокнаволокцев это прежде всего проявлялось в том, что некоторая их часть,

в особенности мужчины, ходившие на заработки в соседнее княжество, была знакома с лютеранством. Имели место браки жителей Вокнаволока с лютеранами. В таких случаях православное духовенство, заключавшее брак, брало с лютеранской стороны подписку о несовращении супруга в лютеранскую веру.<sup>8</sup> Пометки в метрических книгах о таких межконфессиональных браках, к сожалению, делались не всеми священниками или не во всех случаях, что затрудняет точную оценку масштабов этого явления. По данным метрических книг, где пометки о вероисповедании брачующихся имеются, средняя численность таких браков составляла 2-3 случая в год. Часть браков с лютеранами заключалась на финской стороне, однако сообщение об этом поступало в приход лишь тогда, когда молодожены поселялись в приходе или переезжали в Вокнаволок на постоянное место жительства. Детей, рожденные в таких браках, крестили в православной церкви и даже в случае переезда в Вокнаволок из Финляндии родителей обязывали привести детей к миропомазанию и дать подписку об их воспитании в традициях православия. (рисунок 6(18) - в скобках номер из списка предложенного редактором)

Таким образом, картина религиозной жизни Вокнаволока в XIX в. выглядела довольно пестро, если принимать во внимание существование и тех религиозных течений, которые не имели своего духовенства, храмов и т.п. Только Русская православная церковь обладала здесь возможностью открытой миссионерской деятельности, которой должны были заниматься местные священники. От последних во многом, хотя и не полностью, зависело, как будет складываться религиозная жизнь Вокнаволока в последующий период. В связи с этим сохранившиеся сведения, свидетельствующие о службе православного Вокнаволоцкого духовенства, представляются нам весьма важными, и мы хотели бы остановиться на них подробнее.

Кадровые проблемы, характерные для Вокнаволоцкого прихода в XVIII в., оставались актуальными и в XIX в.

В качестве иллюстрации приведем один пример. В июне 1807 г. Кемское духовное правление вынуждено было принимать меры относительно пьянства и непристойного поведения священника Вокнаволоцкого прихода Михаила Кудрявина. Сообщение о неблаговидных поступках священника поступило от крестьян прихода, которые обвинили его в следующем:

«Кудрявин обращается в пьянство, но мы ему не противились (т.е. ничего против этого не говорили)... Если придет кто к нему для исповеди, недоразумея русских слов, то и при сем их бить, невзирая на то, что в храме Божьем, потому малознающие русского языка и явиться к нему не смеют... По позыву к родильницам для дачи молитвы и крещения младенцев от пьянства не может он его исправить и потому без крещения оные младенцы умирают и погребаются... Хотя и небольшая при церкви была сумма, но священник без ведома мирского всю оную употребил на пьянство»<sup>9</sup>.

По факту жалобы Кемское духовное правление начало следствие, в ходе которого допросили самого священника, а также пономаря и других крестьян Вокнаволока. В ходе следствия выяснилось, что жалобы крестьян, хотя частично и преувеличены, но основаны не на пустом месте. Факт пьянства подтвердил сам Кудрявин, хотя в качестве оправдания объяснил, что «если и пил, то в крестьянских домах поили крестьяне честно». Случаи смерти младенцев без крещения священник тоже подтверждает, но говорит, что вины его в этом нет, т.к. из-за дальности расстояний не всегда можно добраться до места вовремя. Кудрявин отстаивает также и свою невиновность в растрате денег, предъявляя документы, свидетельствующие о том, что деньги были потрачены на нужды церкви.

Ответы священника подтвердил пономарь Василий Елизаровский (возможно родственник прежнего упомянутого выше Вокнаволоцкого пономаря Кирилла Елизаровского) и ответы других крестьян, что дает нам право надеяться, что события описаны достаточно достоверно. Анализируя их можно сделать следующие выводы:

1. Вокнаволоцкий священник М. Кудрявин не пользовался авторитетом среди прихожан;
2. Главной причиной отсутствия авторитета было незнание священником карельского языка, на котором говорили жители деревни, а также его злоупотребление спиртными напитками;
3. Для священника Вокнаволоцкого прихода существовала неразрешимая проблема дальности расстояний между селениями, которые находились в его ведении, из-за чего он не мог ни исполнять необходимые таинства, ни тем более заботиться о душепопечительстве своих прихожан.

Биография священника Кудрявина подтверждает возможность выдвинутых обвинений. Он родился в 1748 г. В сан священника был посвящен в 1777 г. и на его

попечение был дан один их приходов Холмогорской округи Архангельской губернии. В 1798 г. он учинил ссору в пьяном виде в трапезной церкви, в которой служил. За это он был оштрафован, а позднее за подобный же проступок сослан в Архангельский монастырь. В 1803 г. Кудрявин был переведен на службу в Вокнаволоок. К началу службы был вдов, других сведений о его семье не имеется.<sup>10</sup>

Таким образом, очевидно, что Кудрявина отправили в Вокнаволоок в качестве наказания. По-видимому, другого, более тяжелого по своим условиям места службы, в губернии не было. Другим мотивом консистории, возможно, было желание перевести Кудрявина на «сухой закон», что в Вокнаволоке было сделать проще, т.к. там практически не было возможности покупать хмельные напитки за исключением домашних. Однако расчеты консистории не оправдались. За описанный выше проступок М. Кудрявина сослали в Архангельский монастырь навечно без права службы.

Для Вокнаволока итогом следствия стало отсутствие священника. По желанию прихожан на службу в Вокнаволоок пригласили Афанасия Камкина, но он отказался уехать из своего родного прихода - Панозерского. Святые таинства стал временно исполнять Стефан Камкин, изредка приезжавший в деревню.

Возможно, и не стоило бы так подробно останавливаться на этом событии 1807 г. и делать на его основе далекоидущие выводы о слабости духовных кадров в приграничных приходах Беломорской Карелии и в Вокнаволоке в частности, если бы и в середине XIX в. эти же проблемы не возникли в приходе вновь.

Происшествие 1807 г., казалось бы, должно было многому научить консисториальное начальство. Однако, в 1852 г. на место настоятеля храма консисторией был назначен Евдоким Второй, а роль псаломщика выполнял Родион Дмитриев. С их именами связана еще одна нашумевшая история, оставившая свой след в консисториальных документах.

В клировых ведомостях за 1853 г. значилась следующая информация о Вокнаволоокском священнике Евдокиме Абрамове Втором.

«По окончании курса Олонецкой духовной семинарии в 1843 г. был уволен с аттестатом 2 разряда, а 3 октября того же года Преосвященным Георгием Епископом и Кавалером рукоположен священником в Керетский приход Кольского уезда..., а оттуда 16 июля 1848 г. поступил на настоящее место. В Керетском сельском приходском училище проходил должность наставника и служил с 1846 по 1848 г. благочинным 3 благочиния Кемского уезда. Судим и штрафован не был. Женат. Имеет 4-х детей»<sup>11</sup>.

По другим источникам, Е.Второй был уволен из Керетского прихода не просто так, а за предосудительное поведение.<sup>12</sup>

«Пономарь Р.Дмитриев в 1848 г. был отпущен из уездного училища в дом своего отца, где и находился по 1849 г. Оттуда в том же году по назначению Преосвященного Варлаама Епископа Архангельской и Холмогорской епархии определили пономаря в Шуезерский приход, в котором он находился по 1852 г., а оттуда в марте переведен в Юшкозерский приход, в августе 1853 г. поступил на настоящее место. Холост. 20 лет. Грамот нет... Священник о нем: «Катехизиса не знает, пост худо, считает ошибочно, поведения иногда нетрезвого, временами грубого, штрафован не был.»

В 1853 г. в Архангельскую духовную консисторию поступила жалоба от Евдокима Второго, что пономарь Родион Дмитриев «по службе своей оказывается совершенно нетерпимым»<sup>13</sup>. Причина конфликта между духовными лицами, как выясняется из материалов учиненного по этому делу Его Преосвященством следствия, оказалась скандальная история, произошедшая в ночь на 7 января после литургии во время хождения по домам со Святым Крестом. Крепко выпившие священник и пономарь подрались в доме одного из крестьян. «Пономарь Дмитриев стал ругать священника непристойными словами... кинул в священника чайником со святой водой...».

Длительное и запутанное следствие по делу подтвердило вину обоих. Ответчикам было определено наказание – 3 месяца епитимьи в монастыре. Однако, наказание смягчили, объяснив дело таким образом:

«но как высылка их на дальнейшее расстояние в монастырь соединена была бы с затруднением как для них самих, так и для начальства для замещения по исправлению их обязанностей на время их отсутствия в приходе кем-либо из священнослужителей, то епитимью в монастыре заменить милостью на бедных. Взыскать с каждого из них 3-х месячное жалованье...»<sup>14</sup>.

Изучение обстоятельств дела и показаний свидетелей (Анисима Липкина, Василия Матоева, Григория Липкина, Н.Лежеева, Григория Логинова, А.Ремшуева, И.Данилова), сохранившихся в делах консистории, убедили нас в том, что прежние проблемы прихода сохранялись. Духовные лица не являлись примером высокой морали и нравственности и часто не обладали авторитетом у местных жителей. По всей видимости, описанный случай не был исключением из обычного образа жизни духовенства, т.к. в делах следствия указывается, что подобное поведение духовных

лиц вызывало недовольство и ропот прихожан. «Пономарь не первый раз так делает... ходит с песнями по ночам по деревне, что духовному значию неприлично, особенно против этого возстают раскольники»<sup>15</sup>. Примечательно последнее замечание, свидетельствующее на наш взгляд не только о сохранении религиозного благочестия среди староверов Вокнаволока, но и о том, что, несмотря на гонения против старообрядцев середины XIX в., последние поднимали свой голос в защиту морали и нравственности.

Для того, чтобы у читателя не сложилось представления о случайном характере подобных происшествий и нашей предвзятости, предлагаем для анализа сведения о служивших в Вокнаволоке священниках (таблица 1), которые в целом подтверждают факт частой смены духовных кадров. Анализ данных метрических книг Вокнаволоцкого прихода позволяет добавить, что на место священника в приходе не раз назначали лиц из соседних приходов или не прошедших полный курс богословских наук дьячков. Практически все служившие в Вокнаволоке в XIX в. священники были русскоязычными, и лишь некоторые знали немного карельский язык. Священников родом из Вокнаволока не было никого, и лишь Камкины происходили из ближайшего Панозерья. Справедливости ради следует сказать, что в приходе предпринимались попытки подготовки священников из коренных жителей. Некоторые из них, такие как Василий Изюмов, прошли путь от псаломщика до священника (правда, в соседнем Войницком приходе). Но такие случаи были редкостью.

Жизнь и деятельность священников, безусловно, во многом определяет отношение прихожан к исповедуемой ими вере. Описанные выше ситуации в этой связи могли оттолкнуть жителей Вокнаволока от православия. Однако не будем забывать, что фигура священника в западных волостях Беломорской Карелии – это не только фигура духовная. В определенной степени на священника возлагалось ряд задач вполне светского содержания, а именно образование детей. 12 января 1859 г. в Вокнаволоцком приходе было открыто первое сельское училище.<sup>16</sup> Учителями и наставниками в нем стали священники, которым, кстати говоря, долгое время не назначали дополнительного жалованья за эту работу, да и обучение они часто проводили у себя дома или в арендуемых домах. Священник выполнял функции фельдшера. Священником заполнялись метрические книги. Он же выполнял и роль человека, ответственного за лояльность населения

существующей власти. С фигурой священника ассоциировалась не столько его духовная функция, сколько ее государственный статус. А отношение к представителям власть предержащих часто было особым. От этих лиц могли терпеть многое. И терпели.

Середина XIX в. стала переломным моментом в жизни православия в крае. Создавались новые приходы, вводились дополнительные священнические должности, поощрялась работа по переводу на карельский язык богослужебных книг. Эта деятельность коснулась и Вокнаволоцкого прихода, который в 1862 г. было решено разделить на три самостоятельных прихода: Вокнаволоцкий, Бабьегубский и Войницкий, вошедших в состав второго благочиния Кемского уезда Архангельской епархии<sup>17</sup> (карта 1). Это решение было принято после визита в Вокнаволоцк Епископа Архангельского и Холмогорского в день Пасхи в 1858 г. Правда, Войницкий приход, хотя и получил статус самостоятельного, из-за отсутствия священника по-прежнему окормлялся духовными лицами из Вокнаволока. С образованием приходов увеличилось число священнослужителей в крае, стали строиться часовни и церкви. По данным 1870-х гг. в бывшем Вокнаволоцком приходе новые часовни были построены в Войнице (преобразована в Николаевскую церковь в 1895 г.), Суднозере (преобразована в Николаевскую церковь в 1896 г.), Каменном озере (преобразована в церковь в 1881 г.) и Ладвозере (преобразована в Спасскую церковь в 1890 г.).<sup>18</sup> Строительство новых зданий велось преимущественно на средства Санкт-Петербургских купцов (в Ладвозере – купец Иван Иванов Митрофанов; в Войнице – А.Е.Дятлев; в Бабьей Губе в честь Рождества Пресвятой Богородицы в 1888 г. - Андрей Кириллов Савин).

Существенно увеличилось жалованье священников, хотя это не поменяло ситуацию с их обеспечением кардинально. Доход Вокнаволоцкой церкви и духовных лиц складывался из нескольких источников. Главным из них было казенное жалованье священнику и псаломщику – в среднем 400 и 200 рублей соответственно, а также 600 рублей на дорожные расходы. Заметим, что в сравнении с другими приходами Архангельской и соседней Олонецкой епархии, казенное жалованье в карельских приходах было значительно выше. Для примера, настоятель Кемского собора получал в год лишь 117 рублей. Это было связано, прежде всего, с тем, что жизнь в Вокнаволоцком приходе была дороже, чем в

более восточных частях уезда. К тому же священники, в виду отдаленности прихода от епархиального центра, получали жалование по полугодиям, что часто вынуждало их кредитоваться у местных торговцев.

Причт владел усадебной землей, которая практически не обрабатывалась и не приносила дохода. Остается только догадываться о причинах такого положения дел, но, по всей видимости, они лежат на поверхности: у самого духовенства не было времени и сил заниматься обработкой земли, т.к. их непосредственные обязанности представлялось возможным выполнять, в основном, в летний период, когда распутица и морозы не мешали совершать длительные объезды прихода. Распространенная в центральной России практика привлечения местных крестьян для обработки церковной земли не привилась здесь.

Жители Вокнаволока не заказывали панихид и не проводили пышных праздников по случаю крещения или венчания, следовательно духовенство не получало дополнительных средств на свое содержание, которые в таких случаях обычно уплачивались настоятелю. Вместе с тем широко распространенной была практика приглашения раскольниц из скитов для отпевания умершего или его перекрещивания в старообрядчество перед смертью, что, по мнению местных жителей, давало больше гарантий для попадания в рай после смерти.

В церкви собирался т.н. кружечно-кошельковый сбор и прибыль от продажи свеч, которые редко превышали 100 рублей в год. К примеру, в 1894 г. было продано 2 пуда и 5 фунтов свеч на 132 руб., а кружечно-кошельковый сбор составил 21 руб. 45 коп. Эти средства расходовались на содержание самой церкви, закупку свеч, выпечку просфор и др. Священники постоянно жаловались на недостаток этих средств для покупки даже самого необходимого.

Новым явлением в жизни прихода в 1870-е гг. стала и деятельность, образованной в Ухте, секты «ушковайсет» (от слова *usko* – вера; *uskovaiset* – верующие). Ее основателями были три финна Карл, Давид и Иоган Тауриайнены. Численность сектантов оценивалась по-разному: от 50 человек, по сведениям епархиальной печати, до 500 – по данным публицистики начала XX в.

Как и большинство протестантских учений, «ушковайсет» не признавали Св. Предание, отрицали догмат о почитании святых, восставали против почитания икон и креста, не признавали постов. Главной формой их деятельности были собрания, на которых велась проповедь Евангелия, читалась Библия с пояснениями,

пелись духовые песни на финском и карельском языках. Практиковалась исповедь перед общиной, а также открытые выступления для пропаганды своего учения. При всем вышесказанном, члены секты иногда посещали православный храм в момент проповеди Евангелия.

Таким образом, учение «ушковайзет» представляло собой некий симбиоз православия и протестантских течений. В богослужебной практике секты заметно присутствие лютеранских традиций.

По мнению Епископа Архангельского и Холмогорского Ионникия, членство в секте служило «переходной ступенью из православия в лютеранство»<sup>19</sup>. К выводу об общности секты с лютеранством пришла и комиссия, расследовавшая дело «ушковайзет». Итогом процесса, длившегося с 1876 по 1882 г. стал отказ главных идеологов секты от какой-либо причастности к ее деятельности. Наказание им было определено в форме духовного наставления епархиальными властями.

Оценивая деятельность секты в истории Вокнаволоцкого прихода, важно сказать следующее. Почва для быстрого роста сектантства (слабые позиции православия) была достаточно благоприятной, а сами идеи и образ жизни сектантов (трезвенничество, использование карельского языка, доступность вероучения) весьма привлекательны для карел. Суд воспрепятствовал дальнейшему широкому распространению этого учения, но, тем не менее, секта продолжала существовать тайно: еще в 1920-е гг. в документах уже советских и партийных органов встречаются упоминания о ней.<sup>20</sup>

Деятельность секты «ушковайзет» беспокоила православное духовенство. Для исправления ситуации в первую очередь было обращено внимание на языковую проблему, которая настоятельно требовала своего решения. Службы в православных церквях велись на церковнославянском, который плохо понимали большинство жителей. К началу XX века сложились своего рода языковые группы: финно- и карелоязычные коробейники, карелоязычные женщины и дети, русскоязычные чиновники, и владеющее церковнославянским и русским православное духовенство. Понятно, что в этих условиях трудно было рассчитывать на то, что прихожане будут понимать проповедь.

В 1894 г. в епархии начала действовать переводческая комиссия, целью которой была подготовка переводов богослужебных текстов на «туземные или инородческие языки», в т.ч. карельский. Усилиями ее членов были подготовлены

переводы Евангелия, «Учения о богослужении св. Агафадора» (переводчик В.Изюмов), «Изложения молитвы господней», «Краткой литии» (переводчик св. С.Красильников) и др. Однако ни один из них не был растиражирован из-за низкого качества исполнения.

В 1894 г. вновь изменили границы Вокнаволоцкого прихода для облегчения труда священников. Кроме собственно Вокнаволоцкого и созданного в 1862 г. Войницкого появились Кондокский и Ладвозерский. Деревни, ранее относившиеся к Вокнаволоку, распределились следующим образом (таблица 2). Хотя площадь прихода значительно сократилась, проблема дальности расстояний сохранялась:

«причт может объехать свой приход только в 6 поездок, сделав приблизительно 310 верст по зимнему пути... Летом ездить трудно, т.к. болота и пр., а зимой снежные заносы скрывают натоптанные тропы. Особенно до Мелкой Губы – 20 верст по Куйтто». (АЕВ, 1908 г., №5. С.136).

Обнародование Указ от 17 апреля 1905 г. стало побудительной причиной для начала деятельности западных миссионеров в западных приходах Беломорской Карелии. Среди них были лютеранские проповедники, методисты и др. В частности в 1906 г. приграничные приходы посетили с целью проповеди Евангелия проповедники Пекка Лаату и Петр Вайсман. Они провели богослужебные собрания в ряде деревень на финском языке, распространяли Библии и сборники гимнов. В качестве противовеса миссионерской деятельности местное духовенство решило обратиться в полицию<sup>21</sup>, что, на наш взгляд, свидетельствует об особой, назовем ее «патриотической» роли духовенства в приграничном крае.

Это обеспокоило как светское, так и епархиальное начальство и активизировало их деятельность. На съезде миссионеров архангельской и финляндской епархий, произошедшем в Ухте в декабре 1906 г., обсуждались вопросы укрепления православия в Беломорской Карелии. Главной в обсуждении вновь стала проблема языка. Участники съезда понимали, что использование церковнославянского языка в карельских приходах ведет к индифферентности жителей в отношении православной церкви, пренебрежению основными обязанностями верующего (указывалось, что жители приходят к причастию лишь раз в год).

Использование финского языка в богослужении, по идеологическим соображениям, не рассматривалось в качестве варианта: «введение же финского языка не вызывается никакою необходимостью, тем более, что славянский язык становится все более и более понятным населению»<sup>22</sup>. Карельский же язык не имел письменности, а, следовательно, не было необходимых литургических и пр. книг.

Съезд принял «соломоново» решение в пользу использования в богослужении «карело-финского языка».

Утвержденное решение вступило в силу. Более активно стала работать переводческая комиссия. 17 февраля 1908 г. было образовано Архангельское Православное Беломоро-Карельское Братство Архангела Михаила, учрежденное для укрепления православия и православно-русских начал среди карел Кемского уезда, а также «в помощи карелам в самозащите от нападков со стороны лютеранской и сектантской пропаганды и неверия»<sup>23</sup>.

Основной сферой деятельности Братства была помощь в строительстве и ремонте церквей, способствование открытию и работе церковно-приходских школ и школ грамоты, подготовка кадров священников, способных вести обучение на карельском языке и противостоять миссионерской работе, осуществление переводов на карельский язык.<sup>24</sup>

Братство располагало значительными материальными ресурсами. Его первоначальный капитал сформировался благодаря богатым пожертвованиям карельских монастырей и епископа Архангельского и Холмогорского. В последующем бюджет пополнялся за счет членских взносов и благотворителей. Братство продолжало свою работу до 1918 г.

В первую очередь Братство обратилось к вопросу о необходимости качественно и количественно улучшить кадры священнослужителей в западных приходах Беломорской Карелии. Благодаря усилиям Братства собственные (а не приписные) священники появились в Войнице (А.Хахилев, Н.Петухов), Ладвозере (Г.Соколов), Контокки (Голубков А.). Братством было предложено открыть новые дополнительные причты в Вокнаволоцком и ряде других приходов. С этой целью жителей Вокнаволока попросили составить т.н. приговор, в котором должно было содержаться согласие жителей нести расходы по содержанию дополнительных духовных лиц. Однако прихожане отказались взять на себя новые траты, объяснив, это своей бедностью.<sup>25</sup>

В 1912 г. при содействии братства началась работа по сбору средств на строительство нового храма и школы (прежде ютилась в наемном помещении) в Вокнаволоке. Примечательно, что в ходе этой работы сами прихожане пожертвовали около 500 руб. и дали согласие на бесплатную заготовку бревен для строительства, что свидетельствует о действительной заинтересованности жителей в этой постройке.<sup>26</sup> В 1912 г. в приходе были отремонтированы и другие здания церковного назначения – дома причта, часовни и пр. Братство оказывало материальную поддержку в оснащении часовен и церквей, снабжении обучавшихся в братских школах детей в Бабьей Губе и Ладвозеро. Безусловно, это способствовало укреплению авторитета православного духовенства в приходе, точнее, как сказано в Журнале заседаний членов Братства «обращение карел в лютеранство ослабло благодаря соответствующим мероприятиям»<sup>27</sup>. Последний вывод как нельзя лучше демонстрирует мотивы «ревнителей православия» в западном карельском приграничье, которые воспринимали православие как форпост российской государственности, призванный служить барьером на пути инославного влияния. Задачи нравственного воспитания отодвигались на второй план.

В годы первой мировой войны религиозная жизнь в Вокнаволоке, видимо, не претерпела заметных изменений. Священники продолжали служить в приходе на протяжении всего военного времени. Источники об этом времени весьма скудны, однако сам факт попыток возрождения религиозной жизни Вокнаволока в первые годы советской власти говорит о важности религиозной составляющей в жизни вокнаволоковцев.

С образованием советского государства прихожане Вокнаволоцкого прихода по-прежнему относили себя к Архангельской епархии. Заметим, что в приходе и в 1919 г. продолжалось заполнение метрических книг священниками (на титуле книг значилось: «Ухтинский сельсовет. Метрическая книга по Вокнаволоцкому приходу»). Но такой «союз» церкви и советской власти длился недолго. Как и большинство религиозных общин России, прихожане Вокнаволока вынуждены были бороться за дальнейшее существование своего прихода. В 1924 г. жители Вокнаволока во главе с церковным старостой Логиновым обращались с просьбой в Ухтинский административный отдел о разрешении проведения богослужений в церкви священником Соколовским (возможно, Соколовым), который вернулся из

Финляндии после участия в событиях карельского восстания 1921 г. и амнистирован. Разрешения дано не было. Формальным основанием для отказа стал неблагоприятный отзыв председателя Ухтинского уездного исполкома Форстена о «контрреволюционном характере намеренного предприятия».<sup>28</sup> Имущество Вокнаволоцкой церкви было конфисковано по решению Ухтинского нарсуда, причем понадобились специальные меры по его охране. Видимо, в Народном комиссариате юстиции всерьез опасались попыток возвращения церковного имущества силой со стороны местных жителей. Эту версию подтверждает настойчивость жителей Вокнаволока, которую они продемонстрировали в борьбе за возобновление приходской жизни. В 1926 г. они подали жалобу в Ухтинский уездный административный отдел о препятствиях со стороны местных советских властей в проведении богослужений, собраний верующих и выборах священника. Реакцией на жалобу стало письмо из Центрального административного отдела республики, где разъяснялись свободные права верующих на устройство собраний, если нет мешающих этому обстоятельств, таких как эпидемические болезни.<sup>29</sup> Тем не менее жизнь прихода не была восстановлена. С этого времени в общих сводках о действующих религиозных общинах на территории Кемского уезда Вокнаволоцкий приход не упоминается.<sup>30</sup> (рисунок 7(1) в скобках номер из предложенного редактором списка)

Особенности религиозной жизни Вокнаволока в первые годы советской власти вызывают один существенный вопрос, а именно: чем была вызвана столь настойчивая позиция вокнаволоццев в вопросе регистрации общины и прихода, если ранее мы часто констатировали слабость православных устоев в крае. Отчасти это могло явиться следствием процесса укрепления православной традиции в крае, начавшегося на рубеже 1910-20-х гг. Возможно также, что после событий карельского восстания оставшиеся в Вокнаволоке или вернувшиеся туда по амнистии жители видели в православной вере основу для начала новой жизни, для объединения расколовшего во время восстания местного сообщества.

Возможным допущением является также то, что в 1920-е гг. отношение жителей Вокнаволока к православию претерпело серьезные перемены. Православная церковь уже не могла восприниматься как особая государственная структура в рамках нового советского государства. Она представляла собой самостоятельный институт, который мог рассматриваться как оппозиция

советскому режиму. Поэтому не стоит сбрасывать со счетов и возможное разыгрывание религиозной карты в политической игре, в которой часть жителей Вокнаволока примкнула к легальной оппозиции.

Так или иначе, хотим заметить, что указанные факты в целом не меняют нашего общего представления о картине религиозной жизни Вокнаволока в XIX-начале XX вв.

Безусловно, жители Вокнаволока в XIX - начале XX вв. были людьми верующими. Как нам представляется, вера вокнаволоковцев была весьма специфичной, сочетающей в себе и православную обрядность, как дань государству, в рамках которого они жили; и языческие и старообрядческие традиции своих недавних предков и односельчан; и новые веяния протестантского толка, доходившие до этих мест из-за границы с кочующими в Финляндию и обратно торговцами (по данным Подворной описи Вокнаволоковской волости за 1884 г. в отлучках пребывали до 52% мужчин<sup>31</sup>). Вокнаволоковцы уповали на Бога, но в то же время верили в свои силы и вряд ли возлагали какие-нибудь надежды на посредников Бога на земле, которые в Вокнаволоке, часто не являли собой пример высокой нравственности.

Какова была роль РПЦ для жителей этого края? РПЦ в Вокнаволоке XIX-начале XX вв. воспринималась как ставленница государственной власти. Вследствие такого статуса священники РПЦ часто были вынуждены выполнять скорее политические, нежели духовные задачи, что не способствовало росту их имиджа.

---

<sup>1</sup> Национальный Архив Республики Карелия (далее НАРК), ф.2, оп.6, д.1/12, Л.27об.

<sup>2</sup> НАРК, Ф.180, оп.1, д.1/3, Л.26.

<sup>3</sup> ИИМК РАН, архив, ф. Р-III, д. 47.

<sup>4</sup> НАРК, ф.25, оп.23.

<sup>5</sup> НАРК, ф.165, оп.1, д.17/428, Л.15.

<sup>6</sup> НАРК, ф.165, оп.1, д.27/809, Л.24; д.23/645, Л.3.

<sup>7</sup> НАРК, ф.165, оп.1, д.21/568, Л.9.

<sup>8</sup> НАРК, ф.25, оп.23, д.121, Л.250.

<sup>9</sup> НАРК, ф.165, оп.1, д. 3/63. Л.1-2.

<sup>10</sup> НАРК ф.165, оп.1, д. 3/63. Л.18 об.

<sup>11</sup> НАРК ф.165, оп.4, д. 1/12. Л.21.

<sup>12</sup> НАРК, ф.165, оп.1, д.15/358.

<sup>13</sup> НАРК ф.165, оп.4, д. 1/12. ЛЛ.16-25.

<sup>14</sup> НАРК ф.165, оп.1, д. 3/63. Л.15.

<sup>15</sup> НАРК ф.165, оп.4, д. 1/12. ЛЛ.16-25.

<sup>16</sup> НАРК, ф.165, оп.1, д.30/940.

<sup>17</sup> НАРК, ф.165, оп.2, д.9/117, Л.1.

<sup>18</sup> НАРК, ф.165, оп.2, д.1/5.

- 
- <sup>19</sup> НАРК, ф.30, оп.3, д.17/171, Л.14-15.  
<sup>20</sup> НАРК, ф.183, оп.1, д.8/107, Л.16.  
<sup>21</sup> НАРК, ф.411, оп.1, д.9/132, Л.4.  
<sup>22</sup> НАРК, ф.180, оп.1, д. 1/23, Л.1об.  
<sup>23</sup> НАРК, ф.180, оп.1, д.1/6, Л.23.  
<sup>24</sup> Государственный Архив Архангельской Области, ф.1741, оп.1, д.1-14.  
<sup>25</sup> НАРК, ф.180, оп.1, д.1/23, Л.14 об.; д.22а, Л.11.  
<sup>26</sup> НАРК, ф. 180, оп.1, д.1/10, ЛЛ.10-11.  
<sup>27</sup> НАРК, ф.180, оп.1, д.1/23, Л.1.  
<sup>28</sup> НАРК, ф.383, оп.1, д.1/3, Л.66.  
<sup>29</sup> НАРК, ф.2652, оп.1, д.3/49, ЛЛ.40,45.  
<sup>30</sup> НАРК, ф.383, оп.1, д.1/7, Л.4.  
<sup>31</sup> НАРК, ф.665, оп.2, д.1/1, ЛЛ.14-15.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Без автора (по косвенным данным статьи о приходе писались приходскими священниками). Вокнаволоцкий приход. *Архангельские епархиальные ведомости* 1896 (14); 1895 (4); 1908 (5, 7); 1911 (8).
2. Пулькин, Максим (2000). «Корельские приходы» православной церкви в Кемском уезде (вторая половина XIX - начало XX в.) В сборнике *Исторические судьбы Беломорской Карелии*. Отв. Ред. Ю.А.Савватеев. Петрозаводск.
3. Фатхутдинов, Сергей (2001) Православная Ухта. *Северные вести* 2001(11/44), С.7.